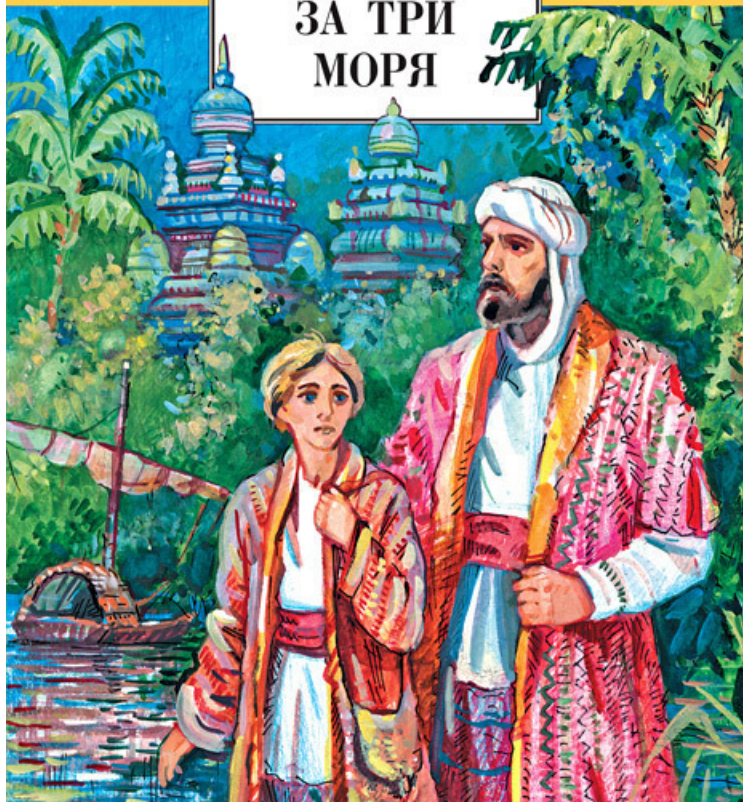

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Константин Кунин
**ЗА ТРИ
МОРЯ**

Константин Ильич Кунин
За три моря. Путешествие
Афанасия Никитина
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7441317

*За три моря: путешествие Афанасия Никитина: историческая повесть / Константин Кунин ; [вступ. ст. Д. Арманда] ; худож. Д. Поляков.: Детская литература; Москва; 2009
ISBN 978-5-08-005230-9*

Аннотация

Историческая повесть «За три моря» К. И. Кунина создана на основе записок Афанасия Никитина «Хождение за три моря» – одного из замечательнейших произведений древней русской литературы. Афанасий Никитин – предшественник первопроходцев. С научной точки зрения, его путешествие было великим географическим открытием. За 30 лет до путешествия Васко да Гама, открывшего морской путь из Европы в Индию, тверской купец Афанасий Никитин побывал в ней. Он написал записки о своем шестилетнем путешествии по восточным странам и Индии. Он рассказал об этой удивительной

стране, ее населении, великолепных дворцах князей и об индийском искусстве и архитектуре. Открыватель неведомых земель Никитин был патриотом Руси, стремился возвратиться на родину и умер на пути к родной Твери в 1473 году. Для среднего школьного возраста.

Содержание

Воспоминания о к. и. кунине	5
К Каспийскому морю	24
Вниз по Волге	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Константин Ильич Кунин

За три моря: путешествие Афанасия Никитина

Воспоминания о к. и. куине

Константин Ильич Кунин родился в 1909 году в Петербурге. С раннего детства у него проявилась страстная любовь к знаниям. С четырех лет его начали обучать иностранным языкам. Он занимался ими с охотой и, обладая удивительной

памятью, делал большие успехи.

В пять лет мальчик научился читать. Он стал с жадностью набрасываться на все, что можно было прочесть: вывески, афиши, журналы. Он часами простаивал в сенях, где стены были оклеены старыми газетами. Когда ему подарили глобус, он изучил его так основательно, что вскоре любую часть света мог нарисовать на память.

Костя часто болел. Родители, желая укрепить здоровье сына, пытались увлечь его спортом. Но спорт ему не давался. Он предпочитал книги всему другому.

Раннее увлечение книгами не «засушило» Костю, не оторвало от жизни. Все, что он узнавал, он тотчас применял к делу, а главное дело ребят – игра. Товарищи очень любили его и в играх признавали своим вожаком.

Он придумал игру в «клад». Чтобы найти клад, надо было

объехать девять городов в разных странах. В каждом городе с играющими случались приключения, подобные действительно пережитым знаменитыми путешественниками. Игра эта длилась годами. Если играли в «казаки-разбойники», Костя требовал уточнить – какие разбойники. Если, например, с острова Корфу¹, то надо повязать платки и вооружиться ятаганами.

Он почти всегда жил в городе, но интересовался природой не меньше, чем историей и географией. Недалеко от его дома находился знаменитый Ленинградский ботанический сад. Там было множество диковинных растений, а в прудах водилась всякая живность.

Однажды весной директор Ботанического сада Владимир Леонтьевич Комаров, впоследствии президент Академии наук СССР, обходя сад, обнаружил мальчишку с сачком и банкой.

– Мальчик, зачем ты здесь ходишь? – строго спросил Комаров. – Я тебя отправлю в милицию.

– Мне необходимо наловить тритонов.

– Тритонов? А ну, пойдем ко мне в кабинет.

Беседа между самым большим и самым маленьким естествоиспытателями длилась довольно долго. По окончании ее мальчик вышел от Комарова сияющий, держа в руках такое удостоверение: «Школьнику Косте Кунину разрешается ловить рыбу и тритонов в прудах Ботанического сада при усло-

¹ Корфу (Кёркира) – остров в Ионическом море; территория Греции.

вии, что он не будет портить растения».

Опасения Владимира Леонтьевича были напрасны: Костя очень бережно обращался и с растениями, и с животными. Его комната была полна всякой живности. В банках выводились из икры бесчисленные головастики, в аквариумах плавали всевозможные рыбки. Тритоны, количество которых было более пятидесяти, нередко выскакивали на пол и расползались по квартире. Тут же выводились личинки стрекоз, гусеницы окукливались и превращались в бабочек. В коробках шуршали жуки во главе с громадным жуком-оленом.

Товарищи любили слушать, как Костя читал вслух. Если читал Брема², он тут же измерял на полу комнаты длину и высоту животных. Если читал о путешествиях, он показывал на карте маршрут исследователя.

Костя был страстным коллекционером. Он собирал марки, монеты, спичечные коробки, растения, камни, черепки старинных сосудов.

Одно время родителям пришлось несколько раз переезжать из города в город. Костя каждый раз вынужден был менять школу. Однажды он попал в очень плохую. Там ребята вначале обижали Костю, отнимали у него завтраки, но он ни разу на них не пожаловался. Тогда класс признал, что новичок заслуживает уважения.

У Кости рано развилось чувство ответственности. Он все-

² Брем Альфред Эдмунд (1829–1884) – немецкий зоолог, автор книги «Жизнь животных» (в 6 т.).

гда помогал родителям, а сестренка, которая была моложе его на пять лет, считала его вторым отцом. Заботясь о ее развитии, он рассказывал ей истории из прочитанных книг, проверял, как она усвоила прочитанное. Когда девочка одно время увлеклась танцами, он взволновался и пришел объяснить с родителями.

– Я боюсь, что у нее ноги разовьются лучше, чем голова, – заявил он.

Костя окончил школу в шестнадцать лет и с компанией друзей поехал на экскурсию в Крым. Здесь окончательно определились его интересы. Хотя ум Кости жадно впитывал самые разносторонние знания, но особенно увлекся он историей, нравами и языками далеких нам по времени и культуре народов. Костя с восторгом осматривал дворец в Бахчисарае, поднимался на Генуэзскую башню. В развалинах Херсонеса он нашел ценную древнегреческую гемму – камень с миниатюрным резным изображением. Ею заинтересовались даже в Эрмитаже.

Шестнадцатилетних не принимали в вузы. Но Константин не хотел терять ни одного года. После долгих хлопот его допустили к экзаменам. Он блестяще выдержал их, и на всякий случай – в два вуза сразу. Его выбор остановился на Ленинградском институте живых восточных языков. Он решил стать китаистом – знатоком Китая. Его привлекали своеобразие китайского быта и искусства, седая древность высокой китайской культуры, неисследованность большей части тер-

ритории Китая, наконец, вошедшая в поговорку трудность «китайской грамоты» – ему хотелось испытать на ней свою исключительную память. В его голове уложились уже бесчисленные даты исторических событий, названия сотен островов Тихого океана, высоты всех главных вершин Кордильер и многое другое, – должны были уложиться и китайские иероглифы.

Даже летом на даче Константин не расставался с китайскими книгами. Вскоре он мог уже их читать, однако книжные знания не удовлетворяли его.

Чтобы получить практику в разговорном народном языке, он отправился... на базар. Там китайцы-лоточники продавали свои изделия: веера, фонарики, игрушки из папиросной бумаги.

Первые попытки разговора были не всегда удачны. В китайском языке много слов, отличающихся тончайшими оттенками произношения, ударения и даже высоты тона. Из-за этого происходили недоразумения, и однажды китайцы, приняв какое-то плохо произнесенное слово за ругательство, чуть не избili начинающего китаиста. Но вскоре ошибки были исправлены, и завязалась дружба. Когда собеседники не понимали друг друга, они писали палочкой на земле иероглифы.

В то время разыгрывались драматические события героической китайской революции. Константин с интересом следил за ними. Проживавшие же в СССР китайцы, не получая

китайских газет и не читая русских, ничего о них не знали. Он стал им передавать вести с родины, разъясняя смысл событий, и они сразу прониклись к нему уважением, наперебой приглашали его к себе.

Родители Константина переехали в Москву. Он остался в Ленинграде. В одной комнате с ним жило еще несколько студентов. Все были из разных вузов, но жили замечательно дружно. Они себя называли «веселая ватага». Умея веселиться, они умели также и работать часами в тишине, не мешая друг другу.

Константин постоянно чем-нибудь увлекался; продолжительное время таким увлечением был театр. В то же время он увлекался живописью, скульптурой, музыкой, часто бывал в музеях.

Он занимался западными и древними языками: свободно владел английским, французским, немецким, читал по-итальянски и по-испански, изучал латынь, греческий и древнееврейский языки.

Нередко, устав от занятий, молодежь поднимала возню. Константин не принимал в ней участия, но раздражить его было опасно. Ширококостый, массивный, как медведь, приземистый и устойчивый, он умел за себя постоять.

Случилось так, что все четыре товарища в его комнате оказались Володями. Кота Ваську они тоже называли Володькой. И все дружно напали на Костю: «Что ты за выскочка? Почему ты не Володя?»

Чтобы «перекрестить» его, они решили трижды во всей одежде окунуть его в «купель», то есть в ванну. Но сколько ни бились, не могли с ним справиться. Добились лишь того, что соседи с нижнего этажа пришли жаловаться: с потолка сыплется штукатурка.

В выходные дни и во время каникул Константин много путешествовал. Исходил все окрестности Ленинграда. Побывал в Новгороде, на Волховстрое, на канале Москва – Волга, на Кавказе, в Крыму, плавал по Волге, по Черному морю. Его равно интересовали турбины новейших гидроэлектростанций и иконы старинных соборов, краеведческие музеи и новые для него местные кушанья.

«Жизнь чертовски интересна! – говорил он. – И никогда не совершь так, чтоб ложь вышла занимательней правды».

Я познакомился с Константином Ильичом в Детгизе.

– Вот ваш научный редактор, – представил его мне заведующий отделом. – Я надеюсь, что вы сработаетесь.

Я делал тогда первые шаги на поприще научно-популярной литературы и на редакторов глядел со страхом и недоверием, ожидая от них всяческих неприятностей. Но стоявший передо мной загорелый толстяк улыбался так приветливо и в глазах его светилось столько добродушия, что мои опасения сразу рассеялись. Уже через полчаса мы стали друзьями.

Константин Ильич был очень застенчив и скромн. Он мало исправлял мои рукописи, но засыпал вопросами:

– А почему вы не рассказали еще и об этом интересном факте? А почему вы упустили такую любопытнейшую подробность?

Я каялся, что запамятовал, а сам никогда и не слышал о таком. Мне стыдно было в этом признаться – настолько превосходил он меня знаниями.

Константин Ильич, окончив в 1930 году Институт живых восточных языков, поступил на работу в Научно-исследовательский институт монополии внешней торговли. Там он разработал несколько тем, в том числе тему «Мировой рынок каучука». Он написал по ней капитальный труд. Потом работал над темами о кофе, электролампах и других товарах. Изучив разнообразную литературу по этим вопросам, он мог рассказывать о Бразилии, Индонезии, Аравии так, как будто сам годами там жил.

В то же время Кунин поступил на заочное отделение исторического факультета. И разумеется, не бросал свой любимый Китай. Прочитав объявление о предстоящем выходе в свет книги В. Б. Шкловского «Марко Поло», он в нетерпении отправился в редакцию серии «Жизнь замечательных людей». Марко Поло, первый исследователь Китая, был его любимым путешественником, и ему не терпелось получить книгу.

– Выпуск книги задерживается, – сообщили ему в редакции, – мы не можем найти редактора, который написал бы предисловие и примечания. Автор очень требователен, и ни-

кто не может его удовлетворить. А почему вас эта тема так интересует?

Константин Ильич рассказал о своем увлечении Китаем и историей путешествий. Ему тут же предложили взять на себя редактирование «Марко Поло». Он так смутился от этого неожиданного предложения, что... согласился, а согласившись, прекрасно справился с задачей. Кунин подружился со Шкловским и написал к его книге обширные пояснения, которые читаются с не меньшим интересом, чем сама книга.

В годы нашей дружбы Кунин был уже опытным автором и выпускал одну за другой биографии великих путешественников: Васко да Гама, Магеллана, Кортеса. Он переработал и дополнил книгу американского географа Аусвейта «Как открывали земной шар». Героями своих книг он всегда выбирал людей непреклонной воли, деятельных, энергичных и смелых.

Предлагаемая вниманию читателей книга об Афанасии Никитине, первом русском путешественнике, добравшемся до Индии, – последняя работа Константина Ильича, которая не успела выйти в свет при его жизни.

Трудоспособность его была изумительна. Он вступил в члены Всесоюзного географического общества и начал готовиться к экзамену экстерном за курс географического факультета. Совмещая несколько работ и учебу, не упуская ни одного события культурной жизни, он в то же время везде, где работал, охотно брался за общественные обязанности:

читал лекции, проводил консультации.

К. И. Кунина ухитрились даже выбрать ответственным по громадной коммунальной квартире, где жили он и десятка два семейств. С неизменным добродушием он «тушил» кухонные стычки соседок, исписывал листы расчетами платы за электричество, доставал материалы для ремонта.

Константин Ильич еще в школе подружился со своей одноклассницей Ритой. В студенческие годы они поженились, жили очень дружно, вместе путешествовали. Рита Яковлевна с радостью разделяла труды мужа и его увлечения. В частности, она помогала подбирать и фотографировать иллюстрации к его книгам. Однако она была очень слаба здоровьем и часто болела. Единственная дочь Куниных родилась слабой.

В семье Куниных было замечательно уютно. Мои дети всегда просили взять их с собой, когда я шел к Константину Ильичу. Дома у него был настоящий музей: восточные статуэтки, фарфор, художественные безделушки стояли во всех углах. Стены были заставлены полками с книгами, которые громоздились до самого потолка.

Самое интересное для детей было то, что летом из окна Куниных можно было вылезать прямо на плоскую крышу гаража и играть там. Константин Ильич натягивал веревку вдоль края, чтобы ребята не упали, и готов был без конца бегать во двор за поминутно падавшим мячом.

На книги Константин Ильич тратил почти все деньги; он

любил их, как живые существа. Всегда готовый отдать последнюю рубашку, он становился скупым, когда у него просили почитать книги. Его возмущала привычка некоторых знакомых «зачитывать» книги, и поэтому на его книжном шкафу часто висело объявление: «Библиотека закрыта на учет».

Когда поступили в продажу усовершенствованные радиоприемники, Константин Ильич сразу стал страстным радиолителем. Он не спал ночами, принимая Европу, Америку, даже Японию.

Война уже бушевала на Западе. Я впервые увидел гневные искры в его глазах и сжатые кулаки, когда однажды из спокойно светившегося глазка приемника вырвались истошные вопли Гитлера.

Наступили июньские дни 1941 года. В это время Кунины жили уже вдвоем: их девочка, которой они отдали три года жизни, умерла. Тяжело было оставлять больную жену одну, но Константин Ильич ни минуты не колебался в том, что надо делать. Выслушав по радио выступление В. М. Молотова о вероломном нападении фашистов на Советский Союз, он тотчас пошел в военкомат.

Кунина отказались зачислить в армию, так как он не подходил по состоянию здоровья. Он переживал это как незаслуженную обиду и продолжал добиваться своего. Через несколько дней ему удалось вступить в отряд народного ополчения, сформированный при Союзе писателей СССР.

Первую неделю Константин Ильич обучался военному делу, возвращаясь домой на ночь. Он был остроумен и весел, как всегда; со смехом рассказывал, как бестолковая девушка в военкомате вместо его профессии «китаист» записала «гитарист» и чуть было не определила его в оркестр.

Но события развивались быстрее, чем можно было ожидать. Вскоре ополченцев перевели на казарменное положение и отправили в Можайск. Через две недели часть выступила на фронт.

О том, как жил в ополчении Константин Ильич, написал в рассказе «Ополченцы» его соратник, писатель Юрий Либединский.

«Когда мы задерживаемся в какой-либо деревне, широкий и смуглый, добрый, как все физически сильные люди, боец Константин Кунин читает лекции. На месяц задержав врага, пал Смоленск. Костя тут же расскажет историю этого города, уйдет в далекое его прошлое, когда он был рассадником образованности русских. Так прослушали мы лекции Константина Кунина о путях сообщения между Россией и Соединенными Штатами, о фашизме и славянских народах, об освободительной войне Китая. Лектор в серой ополченской гимнастерке, которая топорщится на его сильных плечах, стоит у бревенчатой серой стены овина. На бревнышках, на травке расположились наши бойцы, поодаль – колхозники. Цитаты, цифры – все наизусть. Если нужна карта, он тут же начертит ее мелом на доске...»

Константин Ильич был первым в освоении новых видов оружия, а в походе он помогал слабым.

«По Косте Кунину видно, что он счастлив. Все недюжинные силы его личности сейчас устремились в одном направлении. Если кто выбился из сил во время похода, Костя Кунин перехватит винтовку товарища на свое второе плечо. Конечно, и сам он устал, пот выступил на его широком лбу и заливает его ясные карие глаза. Порою губы его непроизвольно кривятся, и блеснут молодые веселые зубы, но он неподдельно оживлен. И на ходу еще рассказывает о чем-либо неслыханно новом или издревле забытом, старом – добрый умница, веселый богатырь».

Дни на работе и ночи на посту ПВО³ не оставляли у меня времени навещать Риту Яковлевну. Но она часто звонила мне. Она тосковала, металась, не находила себе места. Но однажды голос ее прозвучал непривычно молодо и бодро:

– Какая радость! Я еду на фронт! Я увижу Костю!

Оказалось, что правление Союза писателей СССР включило ее в делегацию, которая везла подарки бойцам под Вязьму. Она уехала и не вернулась.

Почти год спустя в глухом углу Урала догнала меня открытка, колесившая за мной по многим местам Советского Союза. Вот что писал Константин Ильич:

«18/XI—41. Пишу вам на авось, дорогие друзья! А вдруг вы в Москве? Что у вас слышно? Где ребята? Как живете?»

³ ПВО – противовоздушная оборона.

Что делаете?

Обо мне могу сообщить грустные вещи. 2 октября в полк приехала с комиссией Союза писателей Рита. 4-го был бой. Мы были в то время в разных местах, и оба попали в окружение. Рита пропала без вести вместе с другими членами комиссии.

Я 17 дней пробивался к своим, испытал все, что только могла послать судьба: и голод, и холод, и переход вброд рек под обстрелом, и ночевки на снегу, и вшей, и ураганный минометный огонь, и обстрел „кукушек"⁴. 20 октября я вышел к своим, уже 23-го снова был в части. Теперь я переводчик штаба.

Так-то вот, дорогие! Многому научился я за этот октябрь, многое пережил, но главное – научился ненавидеть.

Пишите мне обязательно! Кто из общих знакомых в городе? Что в Детиздате?»

Я писал Константину Ильичу несколько раз, но не получил ответа. Много позже я узнал от его матери, что он погиб во время атаки у деревни Иваньево, на дальних подступах к Москве. Он не воспользовался относительной безопасностью, которую давало ему положение переводчика при штабе. Он был человеком высокого долга, а долгом своим он считал защиту Родины с оружием в руках на самом трудном и опасном месте.

Д. Арманд

⁴ «Кукушка» – замаскированный на дереве снайпер. (Примеч. ред.)

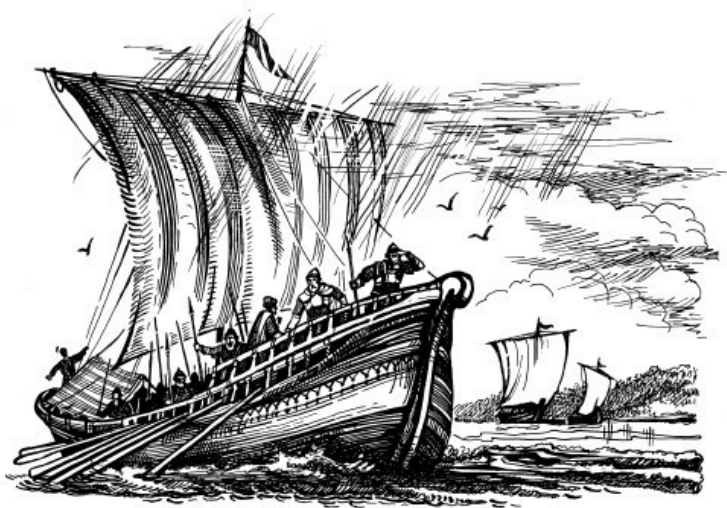
ЗА ТРИ МОРЯ. ПУТЕШЕСТВИЕ АФАНАСИЯ НИ- КИТИНА

ЗА ТРИ МОРЯ

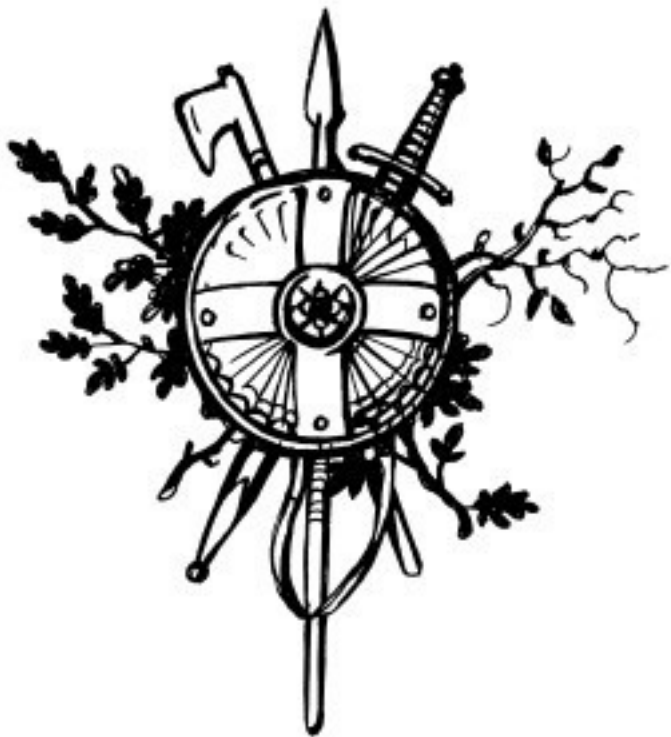
ПУТЕШЕСТВИЕ
АФАНАСИЯ НИКИТИНА

К Каспийскому морю

Вниз по Волге

Разукрашенный коврами корабль плыл вниз по Волге.

Шемаханский⁵ посол Асан-бек, ездивший в Москву к великому князю Ивану Васильевичу, возвращался на родину.

За кораблем на двух ладьях плыли русские и бухарские⁶ купцы.

Стояла осень 1466 года.

В то время Волга принадлежала русским только в ее верхнем течении. За Нижним Новгородом, от реки Ветлуги, начинались татарские земли, которыми владел казанский хан. Недалеко от устья Волги находилось другое большое татарское ханство – Астраханское. Между границами Казанского и Астраханского ханств, на левом берегу Волги, кочевала сильная Ногайская Орда.

Татары время от времени делали набеги на русские земли. Когда военных действий не было, татарские купцы ездили на Русь, а русские – в Казань и Астрахань.

Эти путешествия русских купцов были очень опасны. Татары за право торговли брали с них большую пошлину⁷ и подарки. Страшны были и разбойничьи шайки. Поэтому купцы и другие путники старались примкнуть к какому-нибудь каравану, лучше всего к посольскому: с послом странствовать и безопаснее, и выгоднее.

Но лишь самые храбрые и бывалые купцы отважились

⁵ Шемаха́ – в IX–XVI вв. столица Ширвана, феодального государства, которое располагалось на территории современного Азербайджана.

⁶ Бухара́ – город в Средней Азии (совр. Узбекистан).

⁷ По́шлина – денежный сбор.

плыть с шемаханским послом вниз по Волге и по Каспийскому морю, мимо татарских земель, в далекие южные страны.

В этот раз в караване были и москвичи, и нижегородцы, и тверичи.

Главой каравана они выбрали тверского купца Афанасия Никитина. Правда, Афанасий не плавал в Шемаху по Каспийскому морю, но и другие купцы не могли этим похвастаться. Зато он знал грамоту и говорил по-татарски.

Караван подходил к Астрахани.

Справа и слева тянулись низкие берега, поросшие тальником⁸, над которым там и здесь возвышались черные стволы осокорей⁹. Волга, приближаясь к морю, разбегалась на множество рукавов, во всех направлениях пронизывавших низменную болотистую пойму¹⁰, в половодье превращавшуюся в сплошную «океан-Волгу», а к осени покрывавшуюся сочными лугами. В камышовых зарослях дельты¹¹ кишмя кишела всякая водная птица, и нетрудно было добыть дичины на ужин. Но в тех же камышах удобно было скрываться и лихим людям, подстерегавшим купеческие караваны. Опасность таилась за каждым поворотом русла.

Жара спала, от реки потянуло прохладой. Корабль шемаханского посла бросил якорь. Тогда и русские подвели свои

⁸ Тальник – невысокая ива, растущая в виде кустарника.

⁹ Осокорь – разновидность тополя.

¹⁰ Пойма – участок, заливаемый во время половодья.

¹¹ Дельта – устье реки, ее рукава-реки и земли между ними.

ладьи к берегу, вытащили их на сырой песок и привязали канатами к прибрежным осокорям.

Солнце закатилось. На шемаханском корабле раздался протяжный и заунывный клич. Он призывал на молитву.

Посол, тучный и рослый старик, писцы, телохранители и слуги его опустили на маленькие молитвенные коврики и стали класть поклоны в ту сторону, где лежал священный город мусульман – Мекка¹².

Потом повар выволок наверх котлы с горячим пловом.

В это время русские уже успели собрать хворост и развести костер. Пока варилась уха и пеклись в золе дикие утки, путники готовились к ночлегу.

Поужинали быстро, но спать еще не хотелось. Днем, когда ладьи, послушные течению и подгоняемые попутным ветром, скользили по пустынной реке, однообразное сверкание воды, томящая жара и тишина навевали дремоту.

¹² Мекка – город в Саудовской Аравии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.